

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ ГОРНОГО АЛТАЯ В XVII–XVIII вв.: ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Ставится проблема выделения этнокультурных общностей Горного Алтая и сопредельных территорий в ранний период русской колонизации Саяно-Алтайского нагорья и верховий Иртыша. Отмечается их сложный этнический состав и разновременность формирования, выделяется вопрос о несовпадении их этнических границ и созданных русской администрацией на их основе этносоциальных образований, что существенно повлияло на появление современных этнических идентичностей в данном регионе.

Ключевые слова: этнокультурная общность; аборигены Горного Алтая; этнические процессы; этническая идентичность.

Изучение этнокультурной истории Горного Алтая и сопредельных территорий на раннем этапе русской колонизации сопряжено с рядом проблем. Недостаточное количество письменных источников создает лакуны в понимании исторических процессов в этом регионе Евразии. Выход русского государства на эту территорию произошел достаточно поздно, джунгарские архивы погибли во время цинского вторжения, письменные традиции народов региона были частично утрачены в результате неблагоприятной политической ситуации. Все это существенно влияет на полноту представлений о протекавших здесь этноисторических процессах.

Вторая проблема заключается в сложности понимания специфики социального развития подвижных народов, основа экономики которых базируется на разных типах скотоводства, что наложило отпечаток на процессы государствообразования и этнополитические трансформации. В отличие от оседлых обществ, территория сама по себе не была базой для воспроизводства и дальнейшего функционирования социально-политических институтов. В условиях подвижных скотоводческих обществ, сменявших друг друга «кочевых империй», сопровождавшихся перетасовками человеческих коллективов, сохранение этносоциального единства не могло базироваться на привязанности к конкретной территории или единой экономике.

Ядром государственного строительства были сами человеческие коллективы, а объединяющим началом для них служили названия различных этнических образований, которые осмысливались как признак общности происхождения, основанного на реальных или вымышленных кровнородственных связях, что находило отражение в развитых генеалогиях «степных» народов.

Особенностью положения зависимых этнических групп, согласно центрально-азиатской политической традиции, было минимальное вмешательство власти в их внутреннюю структуру при полном и безоговорочном политическом и экономическом подчинении господствующему этносу. Это приводило к накоплению ими опыта государственности при сохранении достаточно архаичных внутренних связей. Такая традиция взаимоотношений подчиненных и господствующих этносов (родов, кланов, племен, патриархальных се-

мей и т.д.) складывалась в Центральной Азии, частью которой является Горный Алтай, еще в гунно-сарматское время.

Гибель очередной «кочевой державы», уничтожение правящей элиты могли приводить к временному «всплыванию» архаических социальных институтов. Происходило оживление значимости, казалось бы, уже ставших неактуальными кровнородственных отношений – этой универсальной формы организации социума в условиях слома более развитых социально-политических структур. Наступала внешняя архаизация общества, что создавало ложное представление об уровне развития народов этого региона.

Однако накопленные традиции государственности быстро возрождались, когда вследствие разных причин та или иная общность, оказавшись в результате «стягивания» своих одноплеменников достаточно многочисленной, «возвышалась». Она брала инициативу создания «нового» государства, в состав которого входили бывшие подданные прежнего [1. С. 238].

В связи с этим для Центральной Азии крайне актуальной является проблема выделения этнических групп, игравших активную роль в ее этнополитическом развитии. Однако при этом возникает ряд вопросов, связанных с пониманием особенностей функционирования этноса в подвижном обществе. Его связи с этнической или производственной территорией были менее зримы внешне – они не определялись пространством «возделанной земли» и не носили характера постоянного присутствия.

Этническая территория была совокупностью различных маркеров, чаще природного происхождения, которые были «втянуты» в реальную или мифическую историю народа. Названия гор, рек, перевалов связывались с именами героев или божеств, с событиями прошлого, с историей отдельных семей и их потомков. В условиях ограниченного использования письменности «своя» территория сама по себе была источником знания о прошлом, и сезонные ее посещения оживляли связи между поколениями, увязывая все звенья в единое целостное образование.

Но главным условием сохранения этой целостности, как отмечалось, были этнонимы. Именно осознание принадлежности к той или иной этнической группе поддерживало ее внутреннее единство. Отсюда

характерное для центральноазиатского этнокультурного ареала сохранение этнонимов с раннего Средневековья. При прерывистой традиции письменности, тем не менее, такие этнонимы, как аба, аз (ач), дубо, байегу, кыргызы, теле (в форме теленгиты, телеуты, телесы), сохранились в Сибири к приходу русских с древнетюркского времени.

При этом вопрос о языковой принадлежности этих групп не может решаться однозначно: в условиях подвижности общества и особенностей политических процессов смена языка не влекла за собой обязательного изменения этнонима и отказа от прежнего образа жизни. Минимальное вмешательство господствующих этносов полиэтнических государств Центральной Азии во внутренние отношения подвластных им народов приводило к тому, что, подчинившись политически и экономически, эти народы продолжали воспроизводить свою культурную специфику, даже сменив языковую принадлежность. Монголоязычные майманы эпохи Чингисхана, потеряв впоследствии этническое единство, в качестве уже тюркоязычных родов вошли в состав современных казахов и алтайцев, но при этом сохранили свой средневековый этноним. Более того, имеются примеры, когда этносы (этнические группы), использующие один этноним, могут отличаться языковой принадлежностью и хозяйственными характеристиками.

Поэтому определять языковую принадлежность тех или иных этнических групп возможно только применительно к конкретному хронологическому периоду. При этом сохранение этнонима не может свидетельствовать о сохранении прежней языковой принадлежности. Ситуация, при которой утрачивается язык, но сохраняется этноним, а значит, удерживается и определенное этническое единство, еще раз подчеркивает значимость идентификации в подвижном обществе, что и определяло устойчивость этнонимов народов Центральной Азии и Южной Сибири как ее этнокультурной периферии.

Итак, значение этнонима для народов региона заключается как в сохранении представления об определенной этнической целостности, несмотря на пространственную «распыленность», так и в понимании его как важнейшего фактора дальнейшего этноисторического развития. Но это же обилие этнонимов, упоминание некоторых из которых фрагментарно и отрывочно, создает существенные трудности при реконструкции этнополитического развития региона. Возможным выходом из создавшейся ситуации может стать попытка выделения обширных этнокультурных общностей, в рамках которых отдельные этнонимы, выполняя свои функции, тем не менее, не «дробят» исторический процесс, превращая его в быстро меняющиеся картинки калейдоскопа из названий многочисленных этносов и их подразделений, и не препятствуют его восприятию как обусловленного исторической логикой и определенными закономерностями.

По мере продвижения русских вглубь горной страны шло накопление информации об этническом ее многообразии. Верховья Томи, правые притоки Верхней Оби и территория Северного Алтая – это

«Кузнецкая земля» русских документов XVII в. Ее выразительное описание дано в документе 1622 г.: «А около Кузнецкого острога на Кондоме и Брасе реке стоят горы каменные великие, а в тех горах емлют кузнецкие люди камень, да то камень разжигают на дровах и разбивают молотками, просеяв, сыплют понемного в горн, и в том сливается железо, а в том железе делания пансыри, бехтерцы, копыя, рогаины и сабли и всякое железное опричь пищалей... а кузнецких людей в Кузнецкой земле тысячи с три и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое... а живут они в горах, а на горах растет всякий лес, и лес тот расчищают, пашут пашни, сеют пшеницу, ячмень, коноплю. А которые кузнецкие же люди живут от Кузнецка далеко, и теми кузнецкими людьми всеми владеют колмацкие люди» [2. С. 191].

Документальное свидетельство не только полно рисует образ жизни здешних обитателей начала XVII в., но вполне определенно указывает на их многочисленность и границы расселения, которые далеко выходили за пределы Кузнецкой котловины – территории расселения абинцев, с которыми традиционно увязывают «кузнецких людей». Из документа становится понятным, что «Кузнецкой землей» XVII в. русские называли не только ближайшие окрестности Кузнецкого острога, но и достаточно отдаленные от него территории. Из этого следует, что «кузнецкими людьми» были не только абинцы, но и соседние этнические группы Верхнего Приобья – азкыштымы, тогулы, тагапы, итеберы и население Северного Алтая – Кумандинская, Кергежская, Кузенская, Южская, Комляжская, Шелкальская (Чалканская) волости, платившие алман (дань) джунгарам (колмакам). Условно эта общность названа мной *абинско-кумандинская* [3. С. 54–55]. Находясь на границе степного и таежного миров, она сочетала в себе этнокультурные традиции дотюркского населения – потомков южных самодийцев, кетов и ираноязычных групп и новации, связанные с разновременными волнами тюркизации. И если образ жизни и хозяйство определялись дотюркским этнокультурным пластом, то некоторые элементы культуры, и прежде всего язык, были следствием включения этого региона в тюрко-монгольский мир Центральной Азии. На основе этой общности в результате проводимой русской властью административной политики в XVII–XX вв. шло формирование современных кумандинцев, тубаларов, челканцев, шорцев; частично она вошла в состав и русских старожилов Верхнего Приобья.

Таким образом, к приходу русских бассейн правобережья Верхней Оби был достаточно плотно заселен. Образ жизни населения носил оседлый характер, экономика базировалась на развитой металлургии, земледелии, частично рыболовстве, охоте и скотоводстве. Южная граница абинско-кумандинской общности в междуречье Бии и Катунь соприкасалась с северной периферией телеуто-теленгитской общности – «таутелеуцкими волостями», которые в первой половине XVIII в. имели статус двоedanцев, т.е. одновременно платили ясак Москве и алман Джунгарии.

Ойратские вторжения конца XVI – начала XVII в., шедшие с верховий Иртыша, включили территорию

Западного и Центрального Алтая в состав чоросского домена и рассекли единую аборигенную теленгетскую общность – этнокультурную наследницу «долян» древнетюркского времени, обусловив дальнейшее обособленное развитие будущих алтайцев (алтай-кижи левобережья Катунь) и теленгитов (обитателей бассейнов Чуи, Улагана, Чулышмана). В это же время в Верхнем Приобье появились телеуты – часть теленгитов, вытесненных джунгарами с гор в северо-западном направлении.

В связи с этим интересным представляется мнение Л.П. Потапова о телеутах и теленгитах как о народах, до начала XVII в. составлявших единую тюркоязычную общность [4. С. 44]. Косвенными доказательствами существования этой общности являются, во-первых, сохранение телеутами как самоназвания слова «теленгет», тождественного этнониму населения Чуйской долины «теленгит». Во-вторых, распространение среди аборигенов Горного Алтая преданий и поговорок, рисующих теленгитов как очень многочисленный и сильный в прошлом народ. Известны поговорка «Теленгитов больше, чем пегой березы» и старинное выражение «Шестьдесят туменов теленгитов», т.е. неисчислимое множество [5. С. 9]. Наконец, в-третьих, родовой состав современных чуйских теленгитов, алтай-кижи и кузнецких (бачатских) телеутов содержит фактически одинаковый набор сеоков (родов), что также свидетельствует о былом этническом единстве.

Вышесказанное и дает возможность предположить существование до XVII в., т.е. до оттока части тюркоязычных групп (будущих верхнеобских телеутов), единой еще не расчлененной ойратской миграцией аморфной теленгетской общности, занимавшей южные земли Горного Алтая.

Таким образом, территория Западного и Центрального Алтая накануне русской колонизации представляла собой место, где скрещивалось три миграционных потока – телеуто-теленгитский, частично направленный на север (видимо, будущие таутелеуты) и частично на северо-запад – в степные районы (будущие телеуты), а также ойрато-монгольский, идущий с верховьев Иртыша на север – северо-восток, в горные районы Алтая [3. С. 43–49]. Основой складывающейся в этом регионе тюркоязычной общности являлись оставшиеся автохтонные телеуто-теленгитские группы и пришедшие западно-монгольские компоненты.

Позже, в русских документах XVIII в., территория Центрального и Западного Алтая обозначалась как «зенгорские Канские, Каракольские волости», население которых, как и ойраты, часто именовалось «калмыки», что отражало их политическую зависимость от Джунгарии и подверженность ее культурному влиянию. Несмотря на то что «Канские и Каракольские волости» часто упоминались вместе и представляли собой некое этнополитическое и культурное единство, видимо, сами они четко различали друг друга.

При переписке с русскими властями в 1756 г., помимо указания на подвластные им волости, зайсаны отмечали свою этническую принадлежность. Так,

зайсанами «теленгутов» называли себя «Намук, Церин, Буктуш, Бурут, Боохол» [6. С. 245], в другом документе некоторые из этих имен фигурируют как зайсаны «телеуцкого владения». Так свою этническую принадлежность определяли Буктуш, Брут (Бурут), Номык (Намки), к которым добавились имена Кутука и Номыкая [6. С. 242]. Получается, что в середине XVIII в. этнонимы «теленгут» и «телеут» еще были синонимами, широко использовались местной элитой и, в первую очередь, соотносились с «Каракольской волостью», в которой видными фигурами были Кутук и его брат Мамут. Эта волость располагалась за Семинским перевалом на левобережье Катунь и соотносилась с Центральным Алтаем. Ее население сформировалось в результате взаимодействия теленгетских (теленгутских) и ойратских этнокультурных компонентов. Учитывая устойчивость этнокультурных традиций местного тюркоязычного населения, ее можно обозначить как *телеуто-теленгитская*.

Кроме «Каракольской волости» русские выделяли в Горном Алтае «Зенгорскую Канскую волость», которая локализовалась в Западном Алтае и формирование которой отличалось еще большей сложностью. Помимо теленгетской этнической основы, частично подвергшейся ойратской аккультурации, она содержала в себе еще один этнокультурный пласт. Это нашло отражение в том, как свою этническую принадлежность определяли родственники Омбо. В документах «Омбин брат... Омбин сын Болот» фигурируют как «уранхаевы зайсанги» [6. С. 241]. Учитывая патрилинейность, можно утверждать, что и сам Омбо был «уранхайцем».

Этноним «урянкайцы» имеет несколько трактовок. Так, в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина указывалось на существование в Прибайкалье местности «Баргуджин-Токум», где обитало разнообразное горно-таежное население, среди которых выделялись «урянкайцы», которые были предками некоторых тюркских и монгольских народов [7. С. 121–124, 156]. В старинных преданиях якуты называли себя «уранхай Саха», что свидетельствует о сложности их этногенеза. Этот термин – урянхайцы – использовался китайцами, которые под ним понимали «окраинное» по отношению к ним население [8. С. 122]. В последнем значении, имеющем скорее геополитический, нежели этнический, смысл это название во второй половине XIX в. закрепилось за обитателями бассейна верховьев Енисея, т.е. за тувинцами.

В разные периоды своего существования этот термин мог обозначать различную принадлежность той или иной группы населения: этническую, геополитическую, социально-экономическую, административно-территориальную. Поэтому столь важно определить внутреннее содержание термина (этнонима) «урянкай» на каждом конкретном историческом этапе существования того или иного этноса.

Судя по русским документам, в середине XVIII в. он обозначал достаточно обширную этнокультурную общность, захватывавшую не только западную часть Горного Алтая, но и «урочище Уйман» [9. С. 169], где до ухода на Волгу кочевал зайсан Намжул (Наамжил),

а также верховья Иртыша, где находились «владения» «уранхайских зайсанов» Гулчугая (Кулчугая), Бобоя, а впоследствии – Анжина и Хохоя. В хозяйственном плане урянхайцы верхнего Иртыша делились на две группы. «Урянхайцы бывают пешие и питаются сараной и марьиным корнем; которые же имеют скот, те стоят по местам, где есть корм для скота и звериный промысел» [9. С. 156]. Показательно, что в документе не смешиваются два хозяйственно-культурных типа, и если второй соответствует подвижному скотоводству и соотносится с центрально-азиатским «кочевым миром», то первый является достаточно полным описанием образа жизни охотников и собирателей горнотазежной зоны Сибири, в том числе и жителей «страны Баргуджин-Токум», т.е. урянхайцев Прибайкалья.

Следует также обратить внимание на то, что этноним «урянхайцы» часто сопрягается с другим этнонимом – «иркит-ирхит-иргит». На русских картах XVII в. в верховьях р. Иркут и вокруг о. Тунка недалеко от Тункинского острога показана этническая общность – «ирхинцы». В XIX в. они были известны как «тункинские и окинские сойоты». Таким образом, Прибайкалье выступает и как территория проживания этнической группы иркит, частично вошедшей в состав западных бурят – эхиритов, которая территориально и культурно оказывается связанной с урянхайцами из русских документов. Этноним «иргит» широко распространен и в Туве: по данным Г.Н. Потанина, почти во всех десяти сумынах Урянхайского края в XIX в. существовало подразделение «ирхит» [5. С. 10–13]. Согласно устной традиции алтайцев, и «почтенный зайсан Омбо», и храбрый Гулчугай также происходили из рода «иркит». Таким образом, на территории Западного Алтая и примыкающих к нему верховий Иртыша в XVIII в. существовала еще одна общность, названная мной *теленгито-урянхайская*.

Относительно времени начала урянхайско-иркитской миграции из Прибайкалья в верховья Енисея и Иртыша можно только предполагать: это должно было произойти после походов Джочи в Южную Сибирь (1207 г.) и до начала русской колонизации. Эта миграционная волна накрыла территорию современной Тувы, Северо-Западной Монголии, дойдя до бассейна верхнего Иртыша, и распространилась на Западный Алтай. В результате нескольких волн миграций в этом регионе здесь к середине XVIII в. еще не закончились аккультурационные процессы между урянхайскими группами, местной теленгетской основой и ойратскими (западно-монгольскими) этническими общностями. Подданные зайсана Омбы одновременно относили себя как к урянхайцам, так и к теленгутам, что свидетельствует о неустойчивости этнического самосознания и незаконченности аккультурации. В XIX в. четвертая алтайская дючина в основном была представлена сеоком «иркит» и по-прежнему располагалась в долине реки Кан. «Канская и Каракольская волости» стали этнической основой современных алтай-кижи, но по-прежнему определяют некоторую культурную специфику алтайцев западных и центральных районов Горного Алтая.

В результате джунгаро-китайской войны 1754–1756 гг. и набегов казахов урянхайцы верховий Иртыша, Бухтармы, Нарына, Аблайкетки мигрировали на территории, где проживало родственное им население, войдя в состав современных урянхайцев Монголии, Китая, Тувы и алтай-кижи Горного Алтая.

Сложение четвертой этнокультурной общности, названной мной *саяно-теленгитская*, также связано с центральноазиатскими событиями конца XVI в., когда вследствие образования государства Алтын-ханов в Северо-Западной Монголии произошел значительный выплеск саянской миграции с территории Тувы. Продвигаясь вниз по Чуе, а затем и Катунь, группы кужугетов, орчаков, точей, саянцев оказались в Верхнем Приобье, где кочевали вместе с телеутами Абака. Часть их расселилась в междуречье Бии и Катунь и была известна как Керсагальская волость.

Однако какая-то часть саянских мигрантов оседала по пути своего следования, взаимодействуя с теленгетами правобережья Катунь. Это привело к накоплению сойонского (тувинского) комплекса этнокультурных признаков у местных теленгетов, что впоследствии обособило теленгитов Юго-Восточного Алтая от теленгитов (теленгутов, т.е. предков алтай-кижи) левобережья Катунь [3. С. 47–48]. Последующие политические события, связанные с включением Центрального и Западного Алтая в состав России в 1756 г. и сохранением до 1864 г. статуса российско-китайских двоеданцев чуйскими теленгитами, существенно повлияли на осознание своей особости обеими близкородственными группами. Показательно, что еще в 1854 г. все население южнее Семинского перевала называло себя «теленгиты», но в то же время выделяло внутри себя «Алтай-киши» или «Катунь-киши» и «Чуя-киши» [10. С. 58]. Это свидетельствовало о появлении наряду с общей идентичностью – «теленгитской» – новых региональных идентичностей, «привязанных» к разным рекам, по берегам которых они расселялись – и которые подкреплялись наличием разных иноэтничных включений, что и определило формирование современных алтай-кижи и теленгитов.

Таким образом, ко времени прихода русских и в период их начального знакомства с населением Горного Алтая и прилегающих территорий в XVII – первой половине XVIII в. там существовали четыре этнокультурные общности – *абинско-кумандинская*, *теленгито-теленгитская*, *теленгито-урянхайская* и *саяно-теленгитская*, которые выделяются при анализе русских документов этого периода и устных преданий.

Рассмотрение истории Горного Алтая и сопредельных территорий через выделение этнокультурных общностей дает возможность глубже представить процессы сложения современных народов и понять причины существующих противоречий даже внутри одного этноса. Включение разных этнических компонентов, специфика исторического контекста, неоднозначные отношения в прошлом – все это оказывает влияние на современные межэтнические и внутриэтнические отношения. Благодаря устойчивости устной традиции и сохранению генеалогий фактически каж-

дый житель Горного Алтая имеет свое место не только в настоящем, но и в прошлом, что в определенных ситуациях активизирует этническую память. К тому же такой подход позволяет преодолевать современ-

ные государственные и административные границы и дает возможность представить историю народов Центральной Азии и Южной Сибири как целостный, динамичный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шерстова Л.И. Горный Алтай в XVI–XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации : материалы Междунар. науч. конф. Барнаул : АлтГПА. 2012. С. 238–246.
2. Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879. 579 с.
3. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 2005. 312 с.
4. Потанов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л. : Наука, 1969. 196 с.
5. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. 1025 с.
6. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1999. 256 с.
7. Рашид-ад-Дин : сборник летописей. М. : Ладомир. 2000. Т. 1, кн. 1. 221 с.
8. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. 311 с.
9. Пространство Северного Казахстана и Сибири по документальным публикациям Г.Н. Потанина. Томск : Том. гос. ун-т, 2013. 314 с.
10. Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М. : Наука, 1974. 359 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2014 г.

ETHNOCULTURAL COMMUNITIES IN GORNY ALTAI DURING THE 17TH–18TH CENTURIES: ETHNIC IDENTITY IN HISTORICAL CONTEXT

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 142–146. DOI: 10.17223/15617793/395/23

Sherstova Lyudmila I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova 58@mail.ru

Keywords: ethnocultural community; aborigines of Gorny Altai; ethnic process; ethnic identity.

This article raises the problem of ethnocultural community formation in Gorny Altai and neighboring territories during the early period of Russian colonization of the Sayan-Altai highland and the Irtysh River upstream. Ethnic complexity and formation time difference are noted. The author emphasizes the problem of ethnic inhabitation borders and future administrative borders mismatch. This fact had a significant impact on the composition of modern ethnic identities within this region. The research based on Russian written documents and oral legends of Gorny Altai inhabitants showed that in the 17th–18th centuries four ethnocultural communities started their formation: Abinsk-Kumandine, Teleut-Telengit, Telengit-Uriankhai and Sayan-Telengit. During the Russian administrative reforms in the 17th–20th centuries the Abinsk-Kumandine community became a base for the formation of modern Kumandine, Tubalar, Chelkan and Shor peoples. It also became part of the Russian old timers of the Upper Ob. The aboriginal Teleut-Telengit community is an ethnocultural heir of the ancient Turkic Tolanko, it gave birth to the Upper Ob Teleuts, Telengits and future Altai peoples. In Russian documents of the 18th century the latter, just like western Mongolians, were named the “Kalmyks”. This indicates the political dependency of Altai-Kizhi ancestors on Dzungaria and their susceptibility to its cultural and political influence. Unlike Central Altai inhabitants, Western Altai population, aside from the common Telenget ethnic basis which had been partly affected by Oirat acculturation, also comprised the Uriankhai ethnocultural layer genetically connected with the medieval migrations from the Baikal area and possessing some parallels with the ethnogenesis of Tuvinians, Western Buryats and Yakuts. The fourth ethnocultural community, Sayan-Telengit, is also connected with the events in Central Asia of the 16th century, when Altyn Khan state was established and due to it the Sayan migration from Tuva began. This led to the growth of Soyon (Tuva) ethnocultural features within the Chu Telengit community. Studying the history of Gorny Altai through the prism of ethnocultural communities formation gives us an opportunity to clearly imagine the real process of modern ethnogenesis and understand the reasons of conflicts within one nationality or between some of them. The inclusion of various ethnic components, specific features of historical context, controversial relations in the past are factors leading to the creation of new identities and affecting modern interethnic and intraethnic relations.

REFERENCES

1. Sherstova L.I. [Altai Mountains in the 16th–20th centuries: Dzhungar ethno-cultural heritage]. *Etnokul'turnye vzaimodeystviya v Evrazii: prostranstvennye i istoricheskie konfiguratsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Ethno-cultural interaction in Eurasia: spatial and historical configuration. Proceedings of the international scientific conference]. Barnaul: AltGPA Publ., 2012, pp. 238–246. (In Russian).
2. *Sbornik kn. Khilkova* [Collection of books by Khilkov]. St. Petersburg, 1879. 579 p.
3. Sherstova L.I. *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII– nachala XX veka* [Turks and Russians in Southern Siberia: ethno-political processes and ethno-cultural dynamics in the 17th – early 20th centuries]. Novosibirsk: IAE SB RAS Publ., 2005. 312 p.
4. Potapov L.P. *Etnicheskiy sostav i proiskhozhdenie altaytsev* [Ethnic composition and origin of the Altai peoples]. Leningrad: Nauka Publ., 1969. 196 p.
5. Potanin G.N. *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Sketches of the North-Western Mongolia]. St. Petersburg, 1883. 1025 p.
6. Samaev G.P. *Gornyy Altay v XVII – serebine XIX v.: problemy politicheskoy istorii i prisoedineniya k Rossii* [Gorny Altai in the 17th – middle of the 19th centuries: problems of political history and joining Russia]. Gorno-Altaysk, 1999. 256 p.
7. Rashid-ad-Din. *Sbornik letopisey* [Collection of chronicles]. Moscow: Ladomir Publ., 2000. Vol. 1, book 1, 221 p.
8. Gurevich B. P. *Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [International relations in Central Asia in the 17th – first half of the 19th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 311 p.
9. Potanin G.N. *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri po dokumental'nyy publikatsiyam G.N. Potanina* [Space of Northern Kazakhstan and Siberia in the documentary publications of G.N. Potanin]. Tomsk: TSU Publ., 2013. 314 p.
10. Chikhachev P. *Puteshestvie v Vostochnyy Altay* [Travel to Eastern Altai]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 359 p.

Received: 27 November 2014